

ЛУ СИНЬ

*УТРЕННИЕ ЦВЕТЫ,
СОБРАННЫЕ ВЕЧЕРОМ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.581-32
ББК 84(5Кит)-44
Л82

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с китайского *Л. Позднеевой*
Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*
Дизайн обложки *В. Воронина*

Лу, Синь.

Л82 Утренние цветы, собранные вечером :
[сборник] / Лу Синь ; [перевод с китайского
Л. Позднеевой]. — Москва : Издательство
АСТ, 2026. — 352 с. — (Эксклюзивная клас-
сика).

ISBN 978-5-17-181132-7

Важной частью литературного наследия Лу Синя являются эссе и статьи, именно в них ярче всего проявились гражданская позиция и литературный талант автора.

«Утренние цветы, собранные вечером» — один из самых лиричных и значимых сборников Лу Синя. Он состоит из цикла мемуарных эссе, в которых писатель собрал свои воспоминания, словно цветы, распутившиеся утром, чтобы уже в сумерках жизни, с высоты прожитого опыта, переосмыслить свой путь.

Также в этот сборник вошли и другие эссе Лу Синя на самые разнообразные темы, начиная от роли литературы и искусства, заканчивая экзистенциальными размышлениями о жизни и смерти. Сквозь простые, на первый взгляд, зарисовки проступает масштабная картина Китая начала XX века, скованного старыми нормами и отчаянно ищущего новый путь.

УДК 821.581-32
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-17-181132-7

© Перевод. Л. Позднеева,
наследники, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Из сборника
«УТРЕННИЕ ЦВЕТЫ,
СОБРАННЫЕ ВЕЧЕРОМ»

ВВЕДЕНИЕ

В шуме мне всегда хотелось хоть немного покоя, но обрести его было нелегко. Теперь же все так переменилось, что душа моя пришла в смятение.

Если у человека остались одни воспоминания, какой безотрадной становится его жизнь, но иногда нет даже воспоминаний. В Китае пишут статьи по установленным образцам, а события развиваются словно по спирали. Несколько дней тому назад, покидая университет им. Сунь Ятсена¹, я вспомнил, как четырьмя месяцами ранее уезжал из Амойского университета²; прислушиваясь к гулу самолетов над головой, я представил себе, как ежедневно кружились аэропланы над Бэйпином год тому назад. Тогда я еще мог написать коротенькое стихотворение в прозе — «Пробуждение», теперь же и «пробуждения» не стало.

¹ В знак протеста против массовых арестов студентов в апреле 1927 г. Лу Синь ушел из университета. — *Здесь и далее прим. пер.*

² В конце 1926 г. Лу Синь переехал в революционный Кантон.

Жара в Кантоне наступает очень рано, и лишь когда лучи заходящего солнца входят в западное окно, можно заставить себя надеть тонкий халат. На письменном столе в чаше лежит ветка — таких я прежде не видывал. Это простой кусочек дерева, но стоит его опустить в воду, как появляются прелестные зеленые листики. Я посматриваю на листики, привожу в порядок старые рукописи — словом, занят каким-то делом. От таких занятий день жизни тянется подобно году смерти, но они все же помогают забыть об удушливой жаре.

Позавчера закончил составлять сборник «Дикие травы», теперь подошла очередь для сборника «О былом» — произведений, которые печатались в журнале «Заросли». Но название этого сборника я переименовал на «Утренние цветы, собранные вечером». Срывать цветы, конечно, лучше с утренней росой, тогда у них сильнее аромат и ярче краски.

Но мне это не по силам. Пока душа моя в таком смятении, я не могу создать образ, не могу писать. Возможно, когда-нибудь в проносящихся надо мной тучах мелькнет свет.

Иногда мне вспоминалось, как прекрасны, как вкусны были овощи и фрукты, которые я в детстве ел в родных местах: линцзе¹, цзяобай², черные бобы, дыни; они пробуждали во мне

¹ Линцзе — водяные орехи.

² Цзяобай — цицания широколистная (*Zizania latifolia*) или манчжурский дикий рис.

тоску по родине. Позже, когда я попробовал их после долгой разлуки с родным краем, в них не оказалось ничего особенного, запомнился лишь особый аромат. Он-то, может быть, и обманывал меня всю жизнь, заставляя оглядываться на прошлое.

Эти десять произведений написаны мною по памяти, в них возможны расхождения с фактами, но сейчас они помнятся мне только так. Стиль в них довольно пестрый, так как я писал их с перерывами — целых девять месяцев. Условия жизни за это время у меня менялись. Первые два произведения я писал у восточной стены в своем пекинском доме, вторые три — в скитаниях¹, в больнице и в плотницкой мастерской; последние пять — на втором этаже библиотеки Амойского университета, после того как ученые выжили меня из своего коллектива.

1 мая 1927 г.

Кантон, Башня Белых облаков

АЧАН И «КНИГА ГОР И МОРЕЙ»

Мама Чан, о которой я уже рассказывал, была ухаживавшая за мной работница, или кормилица, как ее вежливо называли моя мать и другие. Только бабушка звала ее Ачан. Обыч-

¹ В июне-июле 1926 г. После приказа об аресте сорока восьми передовых деятелей Пекина, в том числе и Лу Синя, писатель перешел на нелегальное положение.

но я звал ее не по имени, а просто Ама, но когда ссорился с ней — как в случае с гибелью мышонка, — называл ее Ачан.

В наших местах фамилии Чан не встречаются, но слово «чан» в значении «длинный» не могло относиться к ее толстой, коротенькой фигуре, не было оно и ее именем. Помнится, она сама говорила, что имя ее кончалось на «гунян», но с чего начиналось, я забыл, знаю только, что не Чангунян; не знал я и ее фамилии.

Няня рассказывала мне о происхождении ее имени: до нее в нашей семье служила работница очень высокого роста, она-то и была настоящей Ачан. Позже она вернулась в свою деревню, а на ее место пришла моя няня. Но все привыкли к имени старой работницы и не захотели его менять. Так моя няня и стала Ачан.

Хоть и не годится судачить о человеке за спиной, но, откровенно говоря, я не слишком уважал ее. Больше всего мне надоедало ее пристрастие к судам и пересудам. Она постоянно шепталась с кем-нибудь, да еще помахивала поднятым пальцем, тыча им то в собеседника, то в свой собственный нос. Что бы ни случилось у нас дома, я всегда связывал это с ее перешептыванием.

Няня не давала мне пошевелиться. Стоило выдернуть травку, перевернуть камешек, как она начинала твердить, что я упрям, и грозила, что пожалуется матери.

Летом в жару она раскидывалась на постели, не оставляя мне места, и я должен был вертеться на уголке циновки, нагретом словно сковородка. Я кричал, толкал ее, но не мог добудиться.

— Ты такая толстая, мама Чан, должно быть, боишься жары? По ночам плохо спишь?.. — спросила ее моя мать после того, как я пожаловался на нее. Мать намекала на то, чтобы она оставляла мне больше места на циновке, но няня промолчала, а ночью, когда я проснулся от жары, она спала все так же раскинувшись, да еще положила руку мне на шею. Я понял, что спасенья нет.

Няня знала много обычаев, которые, в общем, мне не нравились.

Самым веселым праздником был, конечно, канун Нового года. После проводов старого года получишь от старших подарок — деньги, завернутые в красную бумажку, и положишь их возле подушки, — пройдет ночь, и можно будет истратить их как захочется. Лежишь на подушке, смотришь на сверток и мечтаешь о том, что купишь себе завтра: барабанчик, пику, куклу, сахарного будду... Но вдруг войдет няня, положит тебе на подушку апельсин счастья и начнет поучать со всей серьезностью:

— Крепко-накрепко запомни, братец! Завтра первое число первой луны. Только откроешь утром глаза, сразу же говори: «С новым счастьем! С новым счастьем, Ачан!» Запомнил?

Скажешь — весь год пройдет счастливо. Только не говори ничего другого, а как поздравить, сразу ешь апельсин счастья! — Она повертела апельсин перед моими глазами. — И тогда весь год у нас протечет гладко, словно вода в реке...

Даже во сне я помнил о первом дне Нового года, проснулся очень рано и сел в постели, но няня сразу же вытянула свою руку и придавила меня. Я смотрел на нее с испугом, а она на меня в тревоге, точно требуя чего-то. Наконец, она стала трясти меня за плечо. Я вдруг все вспомнил и сказал:

— С новым счастьем, Ама...

— С новым счастьем, с новым счастьем! Всем желаю счастья! Вот умница! Поздравляю! — И она радостно засмеялась, засовывая мне в рот что-то холодное. Я опять испугался, но тут же вспомнил о счастливом апельсине.

Мучения, связанные с первым днем нового года, миновали, можно было встать с кровати и бежать играть.

Няня учила меня еще многому другому. «Если человек умер, не поминай слово смерть, говори «свалился от старости»; в комнату, где умер человек или родился ребенок, не входи; упало зернышко риса на пол, подбери его, а лучше всего съешь; если же во дворе на бамбуковом шесте сушатся штаны, не проходи под ними...» Остальные ее нравоучения уже забы-

лись. Запомнились мне лишь ее странные новогодние приметы. В общем, все это были такие мелочи, которые и сейчас кажутся мне докучными.

Иногда все же няня вызывала во мне чувство большого уважения. Она часто рассказывала о «длинноволосых»¹. Так называла она не только армию Хун Сюцюаня², но чуть ли не всех разбойников и бандитов, исключая революционную партию³, которой в те времена, правда, еще не было. В ее рассказах длинноволосые выглядели очень страшными, что они говорили — она не понимала. В прежние годы, когда длинноволосые вступили в город, рассказывала она, вся наша семья бежала к морю, сторожить дом остались лишь привратник и старая повариха.

Когда длинноволосые зашли в наши ворота, старуха величала их «великими князьями» — по слухам, их следовало так называть, — и жаловалась, что она голодна. Длинноволосые рассмеялись:

¹ Длинноволосыми называли повстанцев, которые боролись против правивших в Китае иноземцев — маньчжур. Вместо введенной маньчжурами под страхом смертной казни прически — бритой головы с косой на макушке, они, по старинному китайскому обычаю, отращивали волосы на всей голове.

² Хун Сюцюань (1813—1864) — один из вождей Тайпинского восстания (1850—1864).

³ Партия, вождем которой был революционный демократ Сунь Ятсен.

— Вот тебе, ешь! — И бросили ей что-то круглое, это была голова привратника с коротенькой косой.

Повариха так перепугалась, что с тех пор не могла и слушать о длинноволосых. Стоило их помянуть, как она бледнела, начинала похлопывать себя по груди и приговаривать:

— Ай-я! Напугали меня до смерти, напугали меня до смерти...

Но я как будто бы ничего не боялся, наверное, мне тогда казалось, что все это меня не касается, ведь я не привратник. Но няня поняла меня:

— Таких мальчиков, как ты, длинноволосые брали в плен и воспитывали маленьких длинноволосых. Красивых девушек они тоже брали в плен.

— Тогда тебе не было страшно, — начал я, подумав, что ей не грозила опасность: она не была ни привратником, ни мальчиком, ни красавицей — на шее у нее виднелись шрамы от прижиганий.

— Как бы не так! — серьезно возразила няня. — А мы что же, ни на что не годились? Нас тоже брали в плен. Когда осаждавшие город шли на приступ, длинноволосые приказывали нам снимать штаны и выстраиваться на городской стене, чтобы помешать пушкам стрелять. А если бы стали стрелять, пушки бы разорвались!

От неожиданности я удивился. Прежде мне казалось, что няня вся набита докучными при-

метами, а она, оказывается, обладала такой огромной силой. С тех пор я стал относиться к ней с особым уважением, глубину которого даже сам не мог определить. И когда она раскидывалась ночью, я ей прощал, мне и следовало уступать ей всю постель.

Позже моя почтительность к ней ослабела, но исчезла лишь после того, как она загубила моего мышонка. Тогда я серьезно обвинил ее и стал звать Ачан прямо в лицо. Зачем мне ее бояться, я ведь не стал маленьким длинноволосым и не шел на город приступом, не стрелял из пушки и уж, конечно, не боялся, что пушку разорвет!

Но когда я оплакивал своего мышонка и мстил за него няне, то затосковал по картинкам «Книги гор и морей». Заронил во мне желание ее увидеть мой дальний родственник со стороны отца. Этот дядя был толстым добродушным старичком, любителем-садоводом, разводившим такие прекрасные сорта цветов, как чжулань, моли¹ и крайне редкую, привозившуюся только с севера шелковую акацию.

Жена дяди была полной его противоположностью и никогда ни с чем не считалась. Эта женщина могла прислонить бамбуковый шест для сушки белья к ветке чжулань, а когда растение ломалось, принималась еще ругать мужа:

¹ Ч жу л а н ь, м о л и — цветы, которые добавляют в чай для аромата.

— Вот дохлятина!

Старик был очень одинок, ему не с кем было даже поговорить, и он любил водиться с мальчишками, иногда называя нас «маленькими друзьями». В нашем поместье, где жило несколько семей Чжоу, у него одного была библиотека с редкими книгами. Там, конечно, хранились сочинения и стихи, предназначенные для экзаменов, но только у дяди я нашел комментарии Лу Цзи к встречающимся в «Книге песен»¹ птицам, зверям, растениям, насекомым, рыбам. Было у него много и других незнакомых мне произведений. Больше всего мне понравилась книга «Зерцало цветов»² со многими картинками. Дядя и рассказал мне про иллюстрированную «Книгу гор и морей», в которой были нарисованы звери с человеческими лицами, змеи о девяти головах, трехногие птицы, крылатые люди, чудовища без голов с глазами на груди... но, к сожалению, дядя не знал, куда она девалась.

Мне очень хотелось посмотреть такие картинки, но просить дядю поискать ее я стеснялся, да он был еще и ленив. Остальные же не обращали внимания на мои расспросы. У меня

¹ «Книга песен» — древнейший памятник народных песен Китая, датируется 1 тыс. до н. э. Ее комментатор Лу Цзи жил в III в. н. э.

² «Зерцало цветов» — трактат о разведении цветов, издан в XVII в.

уже скопилось несколько сот медяков из новогодних денег, но случая купить книгу не представлялось. Улица с книжными магазинами была далеко, меня туда водили гулять только раз в год, в первую луну, когда оба книжных магазина были закрыты.

Пока я играл, было еще ничего, но стоило сесть, как вспоминалась разрисованная «Книга гор и морей».

Тоска не покидала меня и была так сильна, что даже няня Ачан заинтересовалась этой книгой. К ней я не обращался, ведь она была неграмотной и спрашивать было бесполезно. Но когда она спросила, я все ей рассказал.

Прошло дней десять, а может быть, и месяц. Няня отпросилась на побывку домой. Дней через пять-шесть она вернулась в новом синем платье и сразу же передала мне пакет, весело сказав:

— Вот я и купила тебе книжку с картинками «О трех стонах»¹.

Я вздрогнул, точно от удара грома, схватил пакет, развязал, стал листать четыре тоненьких книжки. Там действительно оказались звери с человеческими лицами, змеи о девяти головах...

Няня, сумевшая сделать то, чего не смог и не захотел сделать никто другой, вызвала во мне но-

¹ Искаженное произношение названия «Книги гор и морей».